

Н.Н. Наседкин

Аглая

АГЛАЯ Ивановна Епанчина — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», младшая, 20-летняя, дочь генерала Ивана Федоровича Епанчина и его супруги Елизаветы Прокофьевны, сестра Александры и Аделаиды. О генеральских дочерях сказано, что они «были только Епанчины, но по матери роду княжеского, с приданным не малым, с родителем, претендующим впоследствии, может быть, и на очень высокое место и, что тоже довольно важно, — все три были замечательно хороши собой <...> младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание. Но и это было еще не все: все три отличались образованием, умом и талантами. Известно было, что они замечательно любили друг друга, и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о каких-то будто бы пожертвованиях двух старших в пользу общего домашнего идола — младшей. В обществе они не только не любили выставляться, но даже были слишком скромны. Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают. <...> Одним словом, про них говорилось чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали. Замуж они не торопились; известным кругом общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тем более было замечательно, что все знали направление, характер, цели и желания их родителя. <...> Бесспорной красавицей в семействе, как уже сказано было, была младшая, Аглая. <...> Будущий муж Аглаи должен был быть обладателем всех совершенств и успехов, не говоря уже о богатстве. Сестры даже положили между собой, и как-то без особенных лишних слов, о возможности, если надо, пожертвования с их стороны в пользу Аглаи: приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и из ряду вон...»

И еще повествователь с добродушной иронией добавляет: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и конечно, вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе не желали скрывать. Маменька их, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность их аппетита, но так как иные мнения ее, несмотря на всю наружную почтительность, с которою принимались дочерьми, в сущности давно уже потеряли первоначальный и бесспорный авторитет между ними, и до такой степени, что установившийся согласный конклав трех девиц сплошь да рядом начинал пересиливать, то и генеральша, в видах собственного достоинства, нашла удобнее не спорить и уступать...»

Князь Мышкин говорит об Аглае, что она «чрезвычайная красавица <...> почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!..» А ее мать, Елизавета Прокофьевна, характеризуя младшую дочь (а заодно и себя) высказывает в лицо Аглае такое характерное замечание: «Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца; обе мы и несчастны, обе и страдаем...» А затем про себя, не вслух, — еще определеннее: «Совершенно, совершенно как я, мой портрет во всех отношениях <...> самовольный, скверный бесенок! Нигилистка, чудачка, безумная, злая, злая, злая! О, господи, как она будет несчастна!..» Сам Достоевский в подготовительных материалах отмечал-подчеркивал в Аглае сочетание «ребенка» и «бешеной женщины».

За Аглаей пытается ухаживать Ганя Иволгин, в нее явно влюблены Евгений Павлович Радомский, Ипполит Терентьев, и даже Коля Иволгин перед встречей с Аглаей (чтобы передать ей записку князя Мышкина) наряжается в «совершенно новый зеленый шарф» старшего брата. Влюбляется в нее всем сердцем и князь Мышкин, дело даже идет к браку. Настасья Филипповна, ее соперница, сама подталкивает князя к этой женитьбе, предполагая, что она принесет ему счастье. Но роковая встреча двух женщин на квартире

у Дарьи Алексеевны, превратившаяся в непримиримый поединок действительно двух соперниц, ломает все планы. Причем юная Аглая чисто по-женски ненавидит в Настасье Филипповне именно соперницу, Настасья же Филипповна, с грузом своего «опыта страданий», ненавидит в Аглае прежде всего «чистенькую». И в этой сцене Аглая «падает», впрямую оскорбляя соперницу. Дальнейшая судьба Аглаи незавидна: она за границей выскочила замуж за какого-то «польского графа», который оказался вовсе не графом, а каким-то заговорщиком-эмигрантом, «стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и, сверх того, попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до исступления...» Мало этого, Аглая совершенно рассорилась со своим семейством, отделилась от матери и сестер...

Самая красивая из сестер Епанчиных, видимо, недаром носит имя одной из граций Аглаи, что в переводе с греческого означает — сияющая. Прототипом этой героини послужила А.В. Корвин-Круковская, и в целом семейство Корвин-Круковских, в котором Достоевский часто бывал в начале 1860-х, в какой-то мере отразилось в изображении семейства генерала Епанчина.